

Устойчивое развитие и кооперативное управление: перспективы новых политических тенденций в эпоху метамодерна

Хохлова Дарья Даниловна

E-mail: dashanty@rambler.ru

Время, в которое мы в настоящий момент живем, это эпоха пост-постмодерна или метамодерна, определение которого еще не сформулировано даже в англоязычных источниках, а само явление находится в стадии развития, разверстки. Следовательно, язык и понятийный аппарат, отражающий особенности метамодерна, изобретаются. О метамодерне стали активно писать в 1990-х гг., говоря о новом движении искренности вместо иронии постмодерна. В 2010 г. культурологи Робин ван дер Аккер и Тимотеус Вермелен написали «Заметки о метамодернизме», положившие начало распространению термина в плоскости философии и политологии. В 2011 г. вышел «Манифест метамодернизма», написанный Люком Тернером. Приставка «мета-» происходит от платоновского *metaxu*, означающего «золотую середину», промежуточность. Эпоха метамодернизма сравнивается с маятником, имея в виду отрицание единственной истины, отказ от выбора между наивностью (модерном) и цинизмом (постмодерном) в пользу баланса между тем и другим. Метамодернизм – это эпоха пост-истины, когда за каждым признается право на собственную правду. Политика рассматривается как динамичный процесс, который имеет собственную внутреннюю логику и главную цель: создать инерционное движение устойчивого развития. В контексте такого видения ручное управление, «сильная рука», классические политические институты и ценности перестают работать. На пути к устойчивому развитию через кооперативное управление стоит несколько проблем. Во-первых, проблема культа консенсуса, вымещающего из социальной и политической сфер конфликт, таким образом, что консенсус становится новой формой диктата. Джейн Мэнсбридж в «По ту сторону демократии соперничества» (1980) рассматривает унитарную и соперническую демократии. В первой в качестве центральной идеи подразумевается консенсус, во второй – конкуренция, то есть речь снова о делиберативной и диссенсуальной демократиях. По мнению Мэнсбридж тотальная состязательность делает общество и систему непродуктивными, равно как и утопическое стремление к общему согласию, поэтому стратегия консенсуса эффективна в малых группах, тогда как конкуренция имеет смысл на уровне управления общего порядка. Бенджамин Барбер в «Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age» (1984) продолжил идею Мэнсбридж о малом самоуправлении. Он утверждал, что демократия в ее актуальном состоянии способствует атомизации общества, разобщенности друг от друга и политическому эскапизму граждан. Ситуацию может изменить создание сообществ, общественных коопераций, в которых возможна артикуляция подлинных политических интересов общества. Не замыкание на делегировании своей ответственности кому бы то ни было (в чем и состоит идея электорального процесса, зачастую подменяющего собой все демократию целиком), делает политическую и социальную осознанность образом жизни общества. Барбер также выделяет три вектора политической теории, формирующих кооперативное управление: анархизм, реализм и минархизм. Шанталь Муфф и Эрнесто Лакло в переиздании «Гегемонии и социалистической стратегии» (2000) называют эту идею «радикальной и плюралистической демократией»: поскольку либеральные ценности, провозглашаемые в демократических государствах до сих пор, имеют все меньше практического значения из-за усиления политической власти государства, по мнению Муфф и Лакло стоит демократизировать демократию. Основная проблема дискредитированной демократии заключается в вымещении из нее конфликта. Идея всеобщего консенсуса и его безальтернативности во имя «счастливой жизни» поставила обществу жесткие,

нереалистичные и, по сути, глубоко недемократические рамки. Предположительно, необходимость всегда соглашаться с ведущим мнением и не вступать во внутренние конфликты стала причиной политической импотенции общества и демократии как таковой (в этой точке раскрывается антагонизм диссенсуальной модели с делиберативной). Во-вторых, проблема популизма. Муфф и Лакло обращаются к философии Антонио Грамши, делая центральным понятием своей теории гегемонию. Гегемония по Грамши – это непрерывный процесс достижения достаточного уровня активного согласия в обществе. Оговорка «достаточного» в определении степени согласия важна, поскольку ни Грамши, ни Лакло и Муфф не хотят избегать плюрализма в обществе, они не видят его однородным и конформным, но видят дискурсивным и осознанным. Идея тотального консенсуса по мнению исследователей ведет к опасности усиления ультра-правых настроений из-за общего курса консенсусной модели на манипулятивный популизм и «идеализм». Автор данного исследования полагает, что этот риск существует в равной мере и в левом политическом крыле, однако, действительно, с 2014 г. наблюдается «правый поворот» в Европе и рост движения евроскептицизма в русле правых идей. В-третьих, трудности кооперации: проблема общественного доверия (внутри социума и к власти), атомарность общества, противодействие кооперации со стороны власти (современная демократия в контексте государственного управления недалеко ушла от концепции абсолютной власти). В 1974 г. у Эриха Фромма вышла работа «Анатомия человеческой деструктивности», в которой одним из важнейших вопросов становится поиск естественной (гармоничной для личности) общественной структуры. Он выделил несколько аспектов, препятствующих созданию и развитию культуры сотрудничества в обществе: [U+FOBE] перенаселенность (как территориальная, то есть сужение жизненного пространства, так и экономическая, то есть низкий уровень жизни; сочетание этих двух типов перенаселенности наиболее драматично в контексте сотрудничества); [U+FOBE] малая степень свободы; [U+FOBE] классовая структура; [U+FOBE] аномия (недостаток общности). Фромм также упоминает исследование Кейнси Райта («A study of war», 1965), чьи выводы говорят о том, что агрессивность общества коррелирует с его классовостью: чем устойчивее равновесие между группами, а также между группой и ее окружающей средой, тем меньше воинственность общества. Либеральный индивид (если использовать терминологию Ларса Свендсена) формировался одновременно с усилением государственного дискурса, как его компенсация. Либеральный индивид – это человек, желающий максимально широкого диапазона для самореализации, ограничивающий свой автономный выбор лишь таким образом, чтобы не навредить другому. Потому что помимо потребности в автономности, он нуждается также в ощущении безусловной принадлежности. Основная причина возникновения современного кооперативизма заключается в недоверии общества по отношению к политике, политическим фигурам и процессам. Вероятно, уровень скомпрометированности политического как такового дошел до точки невозврата, поэтому в настоящее время изобретается новая политика. Выход Великобритании из Евросоюза, аналогичный референдум в Италии, ситуация принципиального политического выбора в Германии, Скандинавская глокализация, испанские, греческие, американские маргинальные движения и партии, добивающиеся политического признания, американский президентский эксперимент, антиправительственные выступления в Южной Корее, «бунт школьников» в России, возобновление левой и правой риторики с новой силой, а также их синтез и др. – это проявления тектонического сдвига в политике, вектор и последствия которого в настоящее время можно попытаться спрогнозировать. В-четвертых, распространение феномена нового популизма в реальной политике высокого уровня. В южной Европе преобладают левые настроения: СИРИЗА в Греции (Коалиция радикальных левых), «Подemos» в Испании; в центральной растут правые настроения: «Национальный фронт» и Марин Ле Пен во Франции, «Альтернатива для Германии». И президентские

выборы в США в 2016 г. дали две новые повестки: правый популизм Дональда Трампа и левый Барни Сандерса (Хиллари Клинтон продолжала классическую демократическую риторику). Однако приставка «новый» выделяет метамодернистскую популистскую концепцию тем, что он зачастую не разделяет левые и правые идеи, смешивая их воедино: «Партия свободы» во главе с Гертом Вилдерсом в Нидерландах, а также скандинавские страны – шведские демократы, «Подлинные финны» и Тимо Соини, «Датская народная партия», «Партия прогресса в Норвегии» – в этих странах внутренняя политика имеет левый уклон, а внешняя – правый. И в контексте метамодерна это не является противоречием, а лишь еще одним проявлением *metaxy* - промежуточности, относительности. Ангела Меркель также может рассматриваться как представитель популистской метамодернистской политики: внешняя политика Германии выстраивается по логике единого политически-экономического европейского пространства, а внутренняя – спорадическая, с опорой на общественную поддержку и тренды. Суть нового популизма заключается в эффекте мобилизации новых слоев общества через выказанное недоверие политическим, корпоративным и медиа-элитам. Антикоррупционные протесты в России в 2017 г. назвали «бунтом школьников». Эксперты РАНХиГС и НИУ ВШЭ говорят о поколении людей, выросших без телевидения и монополии правительственной точки зрения, а плюрализме интернета, что сделало это поколение рефлексивным, осознанным и с потенциалом к политическому действию. И в-пятых, проблема распределения ресурсов. Концепции *rageson* (Майкл Альберт и Робин Ханел), *rapolity* (Стивен Р. Шалом), наконец, длительное и детальное исследование управления общими ресурсами Элинор Остром – это успешные попытки построить модель устойчивого развития и управления общими ресурсами в духе кооперативизма. Таким образом, устойчивое развитие – довольно проработанная политологами, экономистами, экологами стратегия мирового движения, однако в стремительно развертывающемся мире, процессы которого плохо осознаются, контролируются и встраиваются в устаревающие постмодернистские правовые практики, концептуализация и реализация устойчивого развития представляется проблематичной. Впрочем, возможно, что и неизбежной.